

Сергей Кузнецов

Святослав Игорович

Сергей Кузнецов Святослав Игоревич

<https://litres.ru/74638468>

SelfPub; 2026

Аннотация

Святослав Игоревич — князь Киевский, правивший в 945-972 годах, сын Игоря Рюриковича и княгини Ольги. Выдающийся военачальник и политик, Святослав сделал много для укрепления и расширения Древнерусского государства. Основные факты о Святославе Игоревиче:

Правление: Святослав взошёл на престол после смерти матери Ольги, которая регентствовала при нем в период его детства.

Военные походы: Он известен своими военными кампаниями против Византии, Хазарского каганата и печенегов, добиваясь значительных военных успехов и расширяя границы княжества.

Столице и осады: Святослав перенёс столицу из Киева в Булгар, что изменило центр политической жизни. Он также осаждал Константинополь, но не добился успеха в войне с Византией.

Смерть: Святослав погиб в 972 году в битве с печенегами вблизи реки Альты, что положило конец его правлению.

Наследие: Святослав запомнился как храбрый воин и стратег, и его правление часто рассматривается как златосердечие Древней Руси.

Это и многое другое в данной книге.

Сергей Кузнецов

Святослав Игоревич

Святослав Игоревич (церк.-слав. Сватославъ Игоревичъ; между 920 и 942 — март 972) — князь новгородский и великий князь киевский из династии Рюриковичей.

Прославился как талантливый полководец, провёл большую часть жизни в военных походах.

Биография

Сын князя Игоря Рюриковича и княгини Ольги. Точная дата рождения неизвестна, но большинство учёных полагают, что это 942 год.

После гибели отца в 945 году Святослав стал правителем в трёхлетнем возрасте. Регентом при нём стала мать, княгиня Ольга. Самостоятельное правление началось, по косвенным данным, около 961 года (по летописи — в 964 году).

Святослав с детства воспитывался как воин. Его наставником был варяг Асмуд, а полководческому искусству обучал главный киевский воевода Свенельд. В отличие от матери, которая приняла христианство, Святослав до конца жизни оставался язычником.

Военные походы

Некоторые значимые события правления Святослава:

Разгром Хазарского каганата (965 год).

Святослав взял столицу каганата — город Итиль, а также

разрушил крепость Саркел (Белую Вежу). В ходе войны он одержал победу над ясами (аланским племенем) и касогами (адыгами), овладел устьем Кубани и городом Таматархой (Тмутараканью).

Обложение данью вятичей (966 год).

Поход на Дунайскую Болгарию (968 год). Святослав вторгся в Болгарию, разбил болгар в битве под Доростолом, захватил множество городов и обосновался в устье Дуная, в Переяславце.

Война с Византией (970–971 годы). После трёхмесячной осады Доростола Святослав был вынужден заключить мир с императором Иоанном Цимисхием и покинуть Балканы.

Гибель

В 972 году по пути на Русь Святослав попал в засаду, устроенную печенегами на днепровских порогах. Согласно летописям, он был убит, а из его черепа печенежский князь Куря приказал сделать чашу, окованную серебром.

Существует несколько версий о том, кто навёл печенегов на дружину Святослава:

Болгарская версия (зафиксирована в «Повести временных лет»). Жители болгарского города Переяславец на Дунае могли сообщить печенегам о возвращении Святослава с добычей.

Византийская версия. По мнению Николая Карамзина и некоторых историков, византийский император Иоанн Цимисхий мог подстроить нападение, чтобы устранить грозно-

го князя.

Версия Льва Гумилёва связывает гибель Святослава с внутренними конфликтами в его окружении, в частности с расправой над христианами в войске.

Итоги правления

Святослав Игоревич известен разгромом Хазарского каганата, что позволило закрепить Русь в бассейнах рек Оки и Дона. Он также расширил территории государства и обезопасил торговые пути. Однако его деятельность не была направлена на упорядочение государственных дел на уже существующих территориях.

У Святослава были сыновья: Ярополк, Олег и Владимир, который позже стал князем новгородским и киевским, а также крестителем Руси.

Факты

Умер:

972 год, днепровские пороги

Родители:

[Княгиня Ольга, Игорь Рюрикович](#)

Дети:

[Владимир Святославич, Ярополк Святославич, Олег Святославич](#)

Святослав Игоревич: генезис, историософия, баллады, эпос

Истоки эпического образа Святослава — тема, имеющая в научной литературе давние традиции изучения, контуры ко-

торой в свое время были образно обозначены Н. М. Карамзиным: «сей Александр [Македонский] нашей древней истории, который столь мужественно боролся с врагами и с бедствиями, .. равнялся суровою воинскою жизнью с героями песнопевца Гомера».

В настоящее время можно считать доказанным, что в летописных известиях о первых русских князьях, очень сложных по своему составу, нашли отражение фольклорные мотивы и сюжеты.

Уже А. А. Шахматов называл «народные предания» в числе основных источников ПВЛ вплоть до времени Ярослава Мудрого.

По мнению ученого, эти предания, доступные летописцу в форме «исторических песен», «былин» и «прозаических рассказов», легли в основу известий ПВЛ о походе Ольги с малолетним Святославом на древлян, о войне Святослава с хазарами и покорении вятичей, о нападении печенегов на оставленный без защиты Киев и их отражении Святославом между двумя походами в Болгарию, об испытании князя византийскими дарами и чаше из его черепа, изготовленной печенегом Курей.

По мнению Е.А. Мельниковой, предания, использованные летописцем, имели различное происхождение — племенное и дружинное.

Племенная традиция покрывала событийную канву до образования единого Древнерусского государства и в некото-

рых случаях уходила корнями в мифологические сказания.

Она включала предания, представляющие историю различных восточнославянских племен (дулебов, древлян, полян), их происхождение и миграции, деяния их вождей (князей), их взаимоотношения с другими этноплеменными группами.

Дружинные сказания, легшие в основу былинного эпоса, посвящены событиям эпохи зарождения и становления Киевской Руси.

Героями этих сказаний были русские князья и их дружинники, а их деяния служили основой сюжетики.

Они возникали и развивались в княжеских дружинах, принимавших участие в установлении и осуществлении центральной власти, и отражали интересы новой, военной знати, изначально в значительной части скандинавского происхождения.

Уже Н. К. Гудзий видел в летописных сказаниях о Святославе «отголосок дружинных песен и преданий» о нем, созданных в среде, «идеализировавшей князя», которая определялась ученым как «воинское братство».

Р. С. Липец, которой принадлежит наиболее основательное исследование летописных известий о Святославе, предположила отражение в них эпизодов из целого цикла сказаний о русском князе-воителе, бытовавших на Руси в форме дружинных песен, относимых исследовательницей к жанру «слав».

Согласно ее мнению, такие песни изначально являлись творчеством младшей дружины, которая, как устанавливается, составляла ядро воинских контингентов Святослава, вторгшихся в Болгарию.

Судя по всему, легенды и песнопения в честь самого Святослава и его сына Владимира слагались и за пределами Руси, как об этом говорится в сильно риторизованном фрагменте «Слова о законе и благодати» Илариона: «Похвалимъ же и мы, по силѣ нашей, малыми похвалами великаа и дивнаа сътворишааго нашего учителя и наставника, великааго кагана нашеа земли Володимера, вѣнука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава, иже въ своа лѣта владычествующе, мужьствомъ же и храборь-ствомъ прослуша въ странахъ многихъ, и победами и крѣпостию поминаются нынѣ и словутъ. Не въ худѣ бо и невѣдомѣ земли владычествоваша, нѣ въ Руськѣ, яже вѣдома и слышима есть всѣми четырьми конци земли».

И действительно, уже в летописных известиях появляются следы иноэтнических эпических сказаний о Святославе. Как показала Р. С. Липец, в ряде эпизодов Святослав обрисован некоторыми типичными для степных сказителей поэтическими приемами, находящими аналогию в эпосе тюркоязычных народов.

Показателен в этой связи рассказ ПВЛ о чаше из черепа Святослава.

В литературе были предложены, кажется, все возможные

трактовки исторической достоверности данного эпизода: от описания реального обычая тюрко-монгольских народов до плода метафорического осмысления летописцем последних лет жизни князя в духе христианского провиденциализма.

Сторонники традиционной и наиболее распространенной точки зрения исходят из исторической достоверности этого сообщения на том основании, что о гибели Святослава в печенежской засаде сообщают византийские авторы, а отсутствующая у последних история с черепом находит аналогии в обычаях евразийских степняков.

Другая группа ученых, привлекая близкие летописному сюжету из византийских хроник (Феофан Исповедник, Георгий Амартол, Константин Манасси и др.), допускает возможность того, что летописный рассказ о черепе Святослава является результатом переосмысления летописцем-христианином последних лет жизни князя-язычника.

Согласно этому мнению, летописец, составляя свой рассказ о кончине Святослава, т. е. события «долетописной» истории, действовал как последователь византийской традиции и, по аналогии с жестокой гибелью одиозных византийских василевсов, осмысливал злосчастную судьбу некрещеного и воинственного Святослава, погибшего на чужбине от рук враждебных варваров, как этически закономерную смерть.

Такое объяснение вполне вероятно, однако следует учитывать, что ко времени составления ПВЛ рассказы о чашах

из черепов могли иметь характер бродячего сюжета, поэтому их заимствование могло произойти не напрямую из византийской книжной традиции, а из общефольклорного фонда.

Кроме того, привлечение в данном случае хроники Георгия Амартола представляется некорректным, поскольку анализируемый рассказ есть в Новгородской I летописи, сохранившей текст летописного свода 90-х гг. XI в. (так называемого Начального свода), составителю которого хроника Амартола, как показал А. А. Шахматов, еще не была знакома.

Как представляется, для ответа на вопрос о достоверности интересующего рассказа необходимо обратиться к вопросу о первоисточнике данного свидетельства.

Вместе с рассказами о походах Святослава данный эпизод относят к древнейшему пласту Начальной летописи, основанному на устных преданиях. В пользу фольклорной основы рассказа о черепе Святослава свидетельствует его развитие в русском летописании.

Чтобы в этом удостовериться, приведем текст эпизода по трем спискам: Ипатьевскому, младшему изводу Новгородской I летописи и Ермолинскому:

В лѣто 6480. Приде Святославъ в пороги, и нападе на ня Куря, князь печенѣжскый, и убиша Святослава, и взяша голову его, и во лбѣ его здѣлаша чашю, оковавше лобъ его, и пяху в немъ. В лѣто 6480. Поиде Святославъ в пороги, и нападе Куря, князь Печенѣжскыи и убиша Святослава,

и взяша главу его, и во лбѣ его сдѣлаша чашю и пиаху изъ неи. Приспѣвши же веснѣ, и поиде Святославъ г порогомъ, и ту убьенъ бысть князь велики Святославъ Игоревичъ отъ Куряти, князя Печенѣжскаго. В лѣто 6480. А во лбѣ его здѣлаша чашю и златомъ оковаше, и пяху из него, написавше округъ его: «чюжихъ ища, своя погубихъ».

По сравнению с лапидарными сообщениями Ипат. и текст Ермол., созданной в 1472 г., содержит более подробное описание чаши и упоминает об ее инкрустации золотом и круговой надписью «чюжихъ ища, своя погуби». Обе детали встречаются в летописях лишь с XV в., причем в различных вариантах (ср., например, в Уваровской: «чюжих желая, своя погуби», и Львовской: «чюжим паче силы жалая, и своя си погуби за премногую его несытость»).

Согласно предложенной А. А. Шахматовым схеме рукописной традиции ПВЛ, Ипат. восходят здесь к Начальному своду 90-х гг. XI в., тогда как Ермол. в данном фрагменте основана на нелетописных источниках составителей общерусского свода 1423 г. (так называемого Владимирского полихрона).

Эта вставка в рассказ о чаше отражает развитие именно устного предания, поскольку текст надписи позднерусские летописи передают по-разному.

Д. С. Лихачев считал, что эта вставка возникла еще в XI-XII вв. Основанием для такого заключения ему послужила фраза, дополняющая черепную надпись, происходящая из

сборника Российской национальной библиотеки:

«В лето 6480. Поиде Святослав в пороги, зимова в Бело-бережии, и нападе на ня князь печенезский именем Куря. И убиша Святослава и взяша главу его, и в лбе его зделаша чашу. Оковавше лоб его златом и написаша на ней сице: "Чужих желая, своя погуби". И есть чаша сия и донине хранима в казнах князей печенезких. Пиаху же из нея князи со княгинею в чертозе, егда поимаются, глаголюще сице: "каков был сий человек, его же лоб есть, таков буди и родивыйся от нас". Тако же и прочиих вои его лбы изоковаша сребром и держаху у себе, пьюще з них»¹⁸. Это дополнение, по мнению Д. С. Лихачева, может служить как подтверждением реальности существования чаши, так и указанием на появление сведений о ней до XII в., поскольку последнее упоминание печенегов в ПВЛ содержится под 6677 (1169) г.

В пользу раннего сложения этого предания Д. С. Лихачев привел также фразу ПВЛ под 6476 (968) г.: «ты, княже, чюжей земли ищешь и блюдешь, а своея ся лишивъ», в которой слышится перифраз упреков киевлян, адресованных Святославу.

Конечный источник происхождения легенды о черепе, т. е. вопрос о том, в какой среде она возникла и откуда впоследствии была заимствована древнерусскими книжниками, составляет отдельную проблему.

Очевидно, что никто из русских дружинников не мог запечатлеть обстоятельства смерти Святослава во всех переда-

ваемых в летописи подробностях.

Кроме того, этот эпизированный мотив о черепе Святослава, за редкими исключениями, стоит особняком в русском фольклоре. С учетом обстоятельств гибели Святослава и содержания всего эпизода, контрастирующего с героизированным образом в предшествующих рассказах, можно предположить, что этим источником была тюркская (печенежская) устная традиция.

В эпосе тюрко-монгольских народов Евразии фиксируется сакральное отношение к голове поверженного врага, основанное, видимо, на представлениях о симпатической магии. В огузском эпосе о Бекиле, пограничном стражнике хана Баюндур, сообщается о том, что «когда приходил чужанин-гяур», Бекиль «посылал его голову в подарок огузам».

В различных версиях эпоса «Гэсэриада» Гэсэр, желая получить драгоценные «эрдени» от «небесной женщины», спрашивает о способах выполнить это у семи искусных кузнецов.

Те опрометчиво советуют Гэсэру, что ее надо напоить вином, которое он сам «изобрел» и изготовил, поданным в семи чашах из человеческих черепов.

Тогда Гэсэр убивает всех семерых кузнецов, выделяет из их черепов семь чаш, наполняет их вином и с этими чашами забирается на небо. Там с помощью вина он усыпляет «небесную женщину» и похищает эрдени.

Раздосадованная, она стряхивает Гэсэра с лестницы, по

которой он взобрался на небо, швыряет ему вслед чаши, которые становятся семью звездами Большой Медведицы.

Упоминания о чаше из черепа имеются и в других эпосах. Так, в алтайском эпосе батыр, победив двух ханов — Арная и Чарная, их головы

На черную скалу — пуп земли Прибил.

Белые лбы их черными буквами испестрил, Так он написал:

«Если хан сюда приедет, Пусть плюнет на них и проедет, Если богатырь мимо проедет, Пусть ударит их плетью».

Весьма примечательно, что в сказании ПВЛ надпись на чаше также носит отпечаток жестокой иронии, что сильно контрастирует с героическим восхвалением князя в дружинных «славах».

Отчасти в летописи тенденция глумления была поддержана общим отношением монахов-летописцев к Святославу-язычнику, однако, судя по рассмотренным данным, эта тенденция содержалась уже в указанной легенде, что косвенно может свидетельствовать о том, что в ее основе лежит заимствованный у степняков источник устного происхождения.

Показательно, что именно в эпоху Святослава в полиэтничной дружинной среде русов, первоначально преимущественно скандинавской в своей основе, широко распространяются обычаи тюркских кочевников, что позднее способствовало сложению на Руси особой «всаднической субкультуры».

туры».

Летописные сказания не были единственным источником «фольклоризации» образа Святослава. Самое подробное повествование о его Балканских походах дошло до нас в составе культурно близкой традиции — византийской, в которой наибольшее значение имеют «История» Льва Диакона (вторая половина X в.) и «Обозрение историй» Иоанна Скилицы (конец XI — начало XII в.).

Эти памятники, таким образом, младше (Лев Диакон) или практически синхронны (Иоанн Скилица) летописным известиям, однако, по сравнению с последними, излагают события с диаметрально противоположных, «провизантийских» позиций.

При сохранении общей с ПВЛ канвы и сходстве отдельных эпизодов (об удивлении русов при виде богатств Болгарии, о речах Святослава и др.), в византийских источниках героизируются василевс и полководцы ромеев и, в отличие от летописи, сообщается о поражении Святослава в войне. Можно с большой долей уверенности утверждать, что в основе рассказов Льва Диакона и Скилицы о русско-византийской войне лежат византийские песни и рассказы фольклорного характера, в которых, как и в гипотетических древнерусских «славах», существенную роль играла «патриотическая пропаганда», прославлявшая подвиги и христианское благочестие ромеев, с Божьей помощью одолевших опасного и многочисленного врага.

Для того чтобы представить себе облик фольклорной основы вошедших в византийскую литературу рассказов о вторжении Святослава, их следует сопоставить с песнями героико-патриотической направленности, которые были широко распространены в Византии в течение всей ее истории, но особенно большой популярностью пользовались после значительных военных успехов ромеев.

Победа над Святославом, едва не присоединившим к Руси Болгарские земли и создавшим реальную угрозу самой Империи, несомненно, должна была оставить глубокий след в фольклоре византийцев. Весьма красноречиво об этом свидетельствует, например, фрагмент Льва Диакона о богатырской удали «победителя» Святослава — императора Иоанна Цимисхия: «Говорят, что он (Цимисхий) ставил в ряд четыре скаковые лошади и, перепрыгнув трех из них, вскакивал на последнюю, словно птица».

Этот эпизод находит прямую аналогию в эпической поэме «О сыне Андроника», упоминающей о необыкновенном прыжке героя через восемь вороных коней, поставленных в ряд.

Кроме упомянутого отрывка, находят аналогии в эпической традиции рассказы Льва Диакона о поединке юного патрикия Константина со «скифским» богатырем (VI, 12 (109.20-110.9)), о необыкновенной силе Феодора Лалакона, убившего множество врагов своей железной булавой (IX, 2 (144.23-145.3)), о схватке архига критян Анемаса и «скифа»

Икмора, и др.

Наличие ряда «параллельных» батальных описаний Льва Диакона и Скилицы, посвященных одним и тем же героям и событиям, позволяет предполагать существование в Византии не только отдельных песен, но и целого цикла сказаний о подвигах ромеев в войне с русами. Одним из таких батальных эпизодов, который приводят оба автора, является описание решающей битвы между Цимисхием и Святославом под Доростолом/Дри-строй в 971 г. Не приходится сомневаться в исторической реальности этого битвы — события, наряду с византийской традицией, засвидетельствованного косвенными данными ПВЛ и археологическими раскопками в современной Силистре³², — чего, однако, нельзя сказать обо всех передаваемых этой традицией подробностях.

Первым из византийских авторов об обстоятельствах доростольского сражения сообщает Лев Диакон (IX, 9-10, по рассказу которого, после трагической гибели императорского телохранителя Анемаса в поединке со «скифом» Икмором, воодушевившей русов, Иоанн Цимисхий личным примером повел ромеев в бой. Вдруг с неба обрушился ураган с дождем, поднялась пыль, которая забила глаза неприятелей. «Говорят» (Хеуетш), перед ромеями появился всадник на белом коне. Став во главе войска, он чудодейственно стал рассекать ряды скифов. «Как рассказывают», никто не видел его ни до, ни после битвы, хотя император разыскивал его, чтобы поблагодарить и одарить. «В дальнейшем

распространилось твердое убеждение», что это был великомученик Феодор, которого государь молил за себя и за все войско быть спасителем в битвах. «Говорят» (фат), накануне сражения в Византии одной девушке явилась во сне Богородица, призвавшая мученика Феодора прийти на выручку Цимисхию в Доростоле. Последовав за святым мужем, ромеи обратили врага в бегство. Преследуемые ромеями, скифы бесславно погибали; сам Святослав едва не попал в плен.

Этот фрагмент обнаруживает существенную близость с рассказом Скилицы, посвященном тому же событию.

Как сообщает Скилица, героическая гибель Анемаса удивила даже врагов.

«Говорят», что ромеи получили тогда божественное вспоможение. Поднялась буря и ударила в лицо скифам.

Все ромейское войско увидело некоего мужа на белом коне, который сражался впереди всех, теснил врагов и расстраивал их ряды. Ни раньше, ни позже никто его не знал, и потому сочли его Феодором, одним из победоносных мучеников. Император всегда прибегал к таким заступникам против врагов, да и сражение произошло в день [Феодора] Стратилата. Некая почитаемая в Византии жена за день до битвы видела во сне, как Богородица призвала Феодора прийти на выручку императору, оказавшемуся в опасности. Между тем, скифы обратились в бегство и погибли без числа.

Сходство двух рассказов не вызывает сомнений.

Детальное рассмотрение природы этого сходства прове-

дено нами в другом месте, что позволяет здесь подробно не останавливаться на этом вопросе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.